

КОГДА ЖЕ ПОЙДЕТ СНЕГ?

*Светлой памяти
Владимира Николаевича Токарева*

За ночь исчезли все городские дворники. Усатые и лысые, пьяные, с сизыми носами, громадные глыбы в коричневых телогрейках, с прокуренными зычными голосами; дворники всех мастей, похожие на чеховских извозчиков, — все вымерли за сегодняшнюю ночь.

Никто не сметал с тротуаров в кучи желтые и красные листья, которые валялись на земле, как дохлые золотые рыбки, и никто не будил меня утром, переключаясь и гремя ведрами.

Так они разбудили меня в прошлый четверг, когда мне собирался присниться тот сон, даже не сон, а чувство надвигающегося сновидения без событий и действующих лиц, все сотканное из радостного ожидания.

Ощущение сна — сильная рыбина, бьющаяся одновременно и в глубине организма, и в кончиках пальцев, и в тонкой коже на висках.

И тут меня разбудили проклятые дворники. Они гремели ведрами и шаркали метлами по тротуару, сметая в кучи прекрасные мертвые листья, которые вчера еще струились в воздухе, как золотые рыбки в аквариуме.

ДИНА РУБИНА

В то утро я проснулась и увидела, что деревья пожелтели вдруг за одну ночь, как седеет за одну ночь человек, переживший тяжкое горе. Даже то деревце, которое я посадила весной на субботнике, стояло, вздрагивая золотистой шевелюрой, и было похоже на ребенка с взлохмаченной рыжей головкой.

«Ну, началось... — сказала я себе, — приветик, началось! Теперь они будут сметать листья в кучи и сжигать, как еретиков».

Это было в прошлый четверг. А сегодня ночью все городские дворники исчезли. Исчезли, ура! Во всяком случае, это было бы просто здорово: город, заваленный листьями. Не наводнение, а налистнение...

Но, скорее всего, я просто проспала.

Сегодня воскресенье. Максим не идет в институт, а папа на работу, и мы весь день будем дома. Все вместе, весь день, с утра до вечера.

— Дворников больше не будет, — сказала я, садясь за стол и намазывая масло на кусок хлеба. — Все дворники кончились сегодня ночью. Они вымерли, как динозавры.

— Это что-то новенькое, — буркнул Максим. По-моему, он был сегодня не в духе.

— А я редко повторяюсь, — охотно согласилась я. Это было началом нашей утренней разминки. — У меня обширный репертуар. Кто сделал салат?

— Папа, — сказал Максим.

— Макс, — сказал папа. Это они произнесли одновременно.

— Молодцы! — крикнула я. — Не угадали. Салат вчера вечером сделала я, и поставила в холодильник. Там он, я полагаю, был найден?

КОГДА ЖЕ ПОЙДЕТ СНЕГ?

— Да, — сказал папа. — Бестия...

Но и он сегодня был не в духе. То есть не то чтобы не в духе, а вроде бы чем-то озабочен. Даже эта утренняя зарядочка, которую я запланировала с вечера, успеха не имела.

Папа минут десять еще покопался в салате, потом отложил вилку, уперся подбородком в сцепленные руки и сказал:

— Нужно обсудить одно дело, ребята... Я хотел с вами поговорить. Вернее, посоветоваться. Мы с Натальей Сергеевной решили жить вместе... — Он помолчал, подыскивая еще какое-то слово. — Ну-у, что ли, связать свои судьбы.

— Как? — ошалело спросила я. — Как это?

— Папа, прости, я забыл поговорить с ней вчера, — торопливо сказал Макс. — Мы не возражаем, папа.

— Как это? — тупо переспросила я.

— Мы поговорим в той комнате! — сказал мне Макс. — Это все понятно, мы все понимаем.

— Как это? А как же мама? — спросила я.

— Ты с ума сошла? — спросил Макс. — Мы поговорим в той комнате!

Он с грохотом отодвинул стул и, схватив меня за руку, поволок в нашу комнату.

— Ты что, с ума сошла? — холодно повторил он, насильно усадив меня на диван.

Я спала на очень старом диване. Если заглянуть за второй валик, к которому я спала ногами, можно увидеть наклейку, рваную и еле заметную: «Диван № 627».

Я спала на диване № 627 и иногда ночами думала, что где-то у кого-то в квартирах стоят такие же старые диваны: шестьсот двадцать восемь, шестьсот двадцать девять, шестьсот тридцать — младшие братья моего.

ДИНА РУБИНА

И я думала, какие, должно быть, разные люди спят на этих диванах, и о каких, должно быть, разных вещах они думают перед сном...

— Максим, а как же мама? — спросила я.

— Ты с ума сошла-а! — простонал он и сел рядом, зажав ладони между колен. — Маму не воскресишь. А у отца жизнь не кончена, он еще молод.

— Молод?! — с ужасом переспросила я. — Ему сорок пять лет.

— Ни-на! — раздельно сказал Максим. — Мы же взрослые люди!

— Это ты взрослый человек. А мне пятнадцать.

— Шестнадцатый... Мы не должны отравлять ему жизнь, он и так долго держался. Пять лет один, ради нас...

— ...и еще потому, что он любит маму!

— Нина! Маму не воскресишь!

— Что ты повторяешь, как осел, одно и то же!!! — заорала я.

Зря я так выразилась. Никогда не слышала, чтобы ослы повторяли одну и ту же фразу, и вообще это весьма привлекательные животные.

— Ну, поговорили... — устало сказал Максим. — Ты все поняла. Отец будет жить там, у нас негде, да и мы с тобой, в конце концов, взрослые люди. Это даже хорошо, что папина мастерская станет твоей комнатой. Тебе давно пора иметь свою комнату. Перестанешь прятать на ночь лифчики под подушку, будешь вешать их на спинку стула, как человек.

Откуда он знает про лифчик? Ну и дурак...

Мы вышли из комнаты. Отец сидел за столом и гасил сигарету в пустом блюдечке из-под колбасы.

Максим подтолкнул меня вперед и положил руку туда, где сзади у меня начиналась шея. Он ласково по-

КОГДА ЖЕ ПОЙДЕТ СНЕГ?

гладил меня по шее, как рысака, на которого ставят, и сказал вполголоса:

— Ну...

— Ты что делаешь? — крикнула я на отца дворничьим голосом. — Пепельницы тебе нет? — и быстро пошла к двери.

— Ты куда? — спросил Максим.

— Да пройдусь... — ответила я, надевая кепку.

И тут зазвонил телефон.

Максим поднял трубку и вдруг сказал мне, пожимая плечами:

— Тебя. Очень мужской голос.

— Это какая-то ошибка, — сказала я.

Вообще-то я не привыкла, чтобы мне звонили мужчины. Мужчины мне еще не звонили. Правда, где-то в седьмом классе надоедал один пионервожатый из нашего лагеря. Он говорил неестественно высоким, смешным голосом. Когда он звонил по телефону и попадал на брата, тот кричал мне из коридора: «Иди, там тебя евнух спрашивает!»

Этот говорил красивым низким голосом.

— Вас зовут Нина, — сказал он.

— Спасибо, я в курсе, — машинально ответила я.

— У вас чудесный голос. Простите, я волнуюсь и говорю пошлости. Я видел вас в театре...

— Да. На премьере моего спектакля «Преступление и наказание», — сказала я. Кто-то из нашего класса меня разыгрывал, это было ясно.

— Н-нет... — нерешительно возразил он. — Вы сидели в амфитеатре. Мой товарищ, оказалось, совершенно случайно знал вас и дал номер телефона.

— Это какая-то ошибка, — сказала я скучным голосом. — Последние тридцать два года я не бываю в театре.

ДИНА РУБИНА

Он засмеялся — у него был очень приятный смех — и укоризненно сказал:

— Нина, это несерьезно. Понимаете, мне необходимо вас увидеть. Просто необходимо. Меня зовут Борис...

— Борис, я очень сожалею, но вас разыграли. Мне пятнадцать лет. Ну, шестнадцатый...

Он опять засмеялся и сказал:

— Это не так плохо. Вы еще достаточно молоды.

— Хорошо, мы встретимся сейчас, — решительно сказала я. — Только знаете что, давайте оставим эти опознавательные газеты в руках и традиционные цветки в петлицах. Вы угоняете машину марки «Москвич» и едете в сторону пустыни Гоби. Я надеваю красный комбинезон и желтый картуз и иду в том же направлении. Там мы и встретимся... Одну минутку! Вы не дворник по профессии?

— Нина, вы — чудо! — сказал он.

Больше всего ему понравилось, что я действительно пришла в красном комбинезоне и желтом картузе. Этот картуз привез мне из Ленинграда Макс. Громадный кепон с длинным таким, комичным козырем.

— Ты похожа на подростка из американского боевика, — сказал Максим. — А вообще модно и здорово.

Правда, на меня с ужасом оборачивались старухи, но в принципе это можно было пережить.

Так вот, больше всего ему понравилось, что я действительно пришла в красном комбинезоне и желтом картузе. Но начинать надо не с этого. Начать надо с того момента, когда я увидела его на углу, возле овощного киоска, там, где мы в конце концов договорились встретиться.

Я сразу поняла, что это он, потому что в руке он держал три громадные белые астры, и потому что,

КОГДА ЖЕ ПОЙДЕТ СНЕГ?

кроме него, возле этого вонючего киоска стоять было некому.

Он был потрясающе красив. Самый красивый парень из тех, кого я видела. Даже если он был в девять раз хуже, чем это мне показалось, все равно он был в двенадцать раз лучше самого красивого мужчины.

Я подошла совсем близко и уставилась на него, засунув руки в карманы. Карманы в комбинезоне пришиты высоковатю, поэтому локти торчат в стороны, и я становлюсь похожа на человечка, собранного из металлоконструкций.

Он раза два взглянул на меня и отвернулся, потом вздрогнул, снова посмотрел в мою сторону и растерянно начал меня разглядывать.

Я молчала.

— Это... Ты кто? — наконец испуганно спросил он.

— Я монах в синих штанах, в желтой рубашке, в сопливой фуражке. — Я вспомнила детскую считалку и, кажется, некстати. Он ее успел забыть, и потому смотрел на меня, как на ненормальную.

— Но как же... Ведь Андрей говорил, что ты...

— Все ясно, — сказала я. — Андрей Волохов из пятой квартиры. Наш сосед. Он пошутил и дал номер моего телефона. Он шутник, разве вы не замечали? Одно время он посылал мне любовные письма, подписывался гиперболоидом инженера Гарина.

— Так... — медленно сказал он. — Оригинально. — Хотя мне показалось, что создававшаяся ситуация была похожа скорее на идиотскую, чем на оригинальную.

— Да, вот, во-первых, возьми... — Он протянул мне астры. — А во-вторых, это ужасно! Где же я теперь найду ее?

ДИНА РУБИНА

— Кого?

— Ну, ту девушку, которую я видел в театре.

Он посмотрел на меня расстроенным взглядом, сочувствуя, наверное, и себе и мне.

— Слушай, а тебе в самом деле лет пятнадцать? — сказал он.

— Не лет пятнадцать, а пятнадцать лет. Даже шестнадцатый, — поправила я его.

— Ничего, что я на «ты»?

— Ничего, — сказала я. — Со мной по-другому не получается. Я карманная.

— А?

— Маленького роста... — сказала я.

— Подрастешь еще...

Подбодрил. Ненавижу!

— Ни в коем случае! — оборвала я. — Женщина должна быть статуэткой, а не Эйфелевой башней.

Лгала бесстыдно. Благоговею в душе перед крупными женщинами. Но что поделаешь — при моих доспехах нужно уметь обороняться.

Он весело хмыкнул, потер переносицу и внимательно взглянул из-под бровей.

— Знаешь что, если такое дело, пойдем посидим в парке, что ли?.. Съедем по порции эскимо! Говорят, оно здорово помогает при расстройстве нервной системы. Эскимо любишь?

— Люблю. Все люблю! — сказала я.

— А есть на свете такое, чего ты не любишь?

— Есть. Дворники, — сказала я.

Эскимо в парке не оказалось, и вообще там ни черта не оказалось, кроме пустых скамеек. А мороженое продавали только в кафе.

— Зайдем? — спросил он.

КОГДА ЖЕ ПОЙДЕТ СНЕГ?

— Ну конечно! — удивилась я.

Было бы просто глупо, если бы я упустила такой случай. Не так уж часто приглашает меня в кафе потрясающе красивый мужчина, и еще я пожалела, что сейчас не вечер и не зима. В первом случае кафе было бы набито людьми и играла бы музыка, а во втором случае он наверняка помог бы мне снять пальто. Должно быть, это чертовски приятно, когда снимать пальто вам помогает такой красивый парень.

— Что же все-таки мне делать? — задумчиво проговорил он, когда мы уже сидели за столиком. — Где ее искать?

— По-моему, ее и искать не стоит, — небрежно сказала я.

Мы сидели на летней площадке под тентами. Скверик просвечивался отсюда насквозь, так что видны были фонарь у входа и афиша на фонаре.

— Вы увидели в театре девушку, которая вам понравилась. Девушка красивая. Ну, и что? Вон их сколько на улице! Я тоже буду красивая, когда вырасту, подумаешь! Но если уж вам так хочется найти именно ту, объявите экспедицию, снарядите корабль, наберите команду, а меня возьмите юнгой.

Он расхохотался.

— Ты просто прелесть, малыш! — сказал он. — Но прелестней всего то, что ты и в самом деле явилась в красном комбинезоне и желтом картузе. За свои двадцать три года... ну, двадцать два... я впервые столкнулся с таким экземпляром, как ты!

Я облизнула ложку и, прищурив один глаз, закрыла ею слепое осеннее солнце.

— Это что, мой возраст или как я выгляжу позволяет вам говорить таким снисходительным тоном? По-

ДИНА РУБИНА

чему вы уверены, что я не дам вам по носу? — с любопытством спросила я.

— Ну не сердись, — сказал он и улыбнулся. — С тобой забавно разговаривать. Выходи за меня замуж, а?

— Еще не хватало, чтобы мой муж был старше меня на семь лет. Чтобы он умер на семь лет раньше меня. Еще этого не хватало. — Тут он просто тукнулся в розетку от смеха. — И вообще, самая приятная вещь — остаться старой девой и варить из айвы варенье. Тысячи банок варенья. Потом дожидаться, пока оно засахарится, и раздаривать его родственникам. — Я серьезно смотрела на него. Это уже наступил тот момент в разговоре, когда я начинаю острить без улыбки.

— А мама не возражает против этой установки? — подмигнув, спросил он.

— Мама в принципе не возражает, — сказала я. — Мама погибла пять лет назад в авиационной катастрофе.

У него изменилось лицо.

— Прости, — сказал он, — прости, ради бога.

— Ничего, бывает... — спокойно ответила я. — Еще мороженого!

Мне не хотелось мороженого. Просто приятно было смотреть, как этот высокий красивый парень послушно поднялся и направился к стойке. На секунду могло показаться, что пошел он не потому, что хорошо воспитан, а потому, что это я, я потребовала еще порцию мороженого!

В сущности, мне было все равно, посидит он здесь еще минут пятнадцать или вежливо распрощается. Просто иногда бывает интересно притвориться перед самой собой. Всегда развлечение...

По дорожке мимо кафе проехал пацан на велосипеде. Он держался за руль одной рукой, как бы показывая

КОГДА ЖЕ ПОЙДЕТ СНЕГ?

этим, что — фи, чепуха, он, если захочет, сможет ехать, вообще не держась за руль.

Несмотря на будний день, в скверике царило безделье. Оно шуршало газетами на скамейках, сквозило солнечными лучами в листьях деревьев, и даже спующие по своим делам люди в скверике казались бесцельно шатающимися.

Всем безраздельно владела праздность...

— Скорее бы уж снег, — сказала я, когда он вернулся, поставив передо мной розетку с белым подтаявшим комочком. — Вы на санках катаетесь?

— Ага, — сощурился он. — Преимущественно этим и занимаюсь.

Когда он это сказал, я вдруг поняла, что передо мной уже совсем взрослый и, вероятно, очень занятой человек.

Я подумала, что хватит, нужно раскланяться и убраться восвояси, и неожиданно для себя сказала:

— А пойдемте в кино!

Это была вершина моей наглости и хамства. Но он не дрогнул.

— А уроки когда делать?

— Я не готовлю уроков. Я способная.

Я отчаянно смотрела на него, и взгляд мой был нахален и чист...

Мы гуляли по городу до тех пор, пока не начало смеркаться. Я вела себя скверно, совсем сошла с ума. Я болтала без умолку, забегая перед ним, размахивая руками и заглядывая ему в глаза. Это был стыд, позор, ужас. Я походила на семилетнего Петьку, которого повел в зоопарк летчик-сосед дядя Вася.

Пошел дождь, и, не обращая внимания на этот драгоценный дар неба, по улицам сновали люди. Они